

УДК 83.3

**СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ СЛОВ И ИХ ФУНКЦИЯ В РОМАНЕ
«ЧТО ДЕЛАТЬ?» Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
SYNONYMOUS SERIES OF WORDS AND THEIR FUNCTION IN THE NOVEL
"WHAT TO DO?" BY N.G. CHERNYSHEVSKY**

**Т.М. Уздеева
T.M. Uzdeeva**

*Чеченский государственный университет, Россия, 364907, Чеченская республика,
г. Грозный, ул. Февральская, 13*

Chechen State University, 13, Fevral'skaya St., Grozny, 364907, Russia

E-mail: yzdeeva@mail.ru

Ключевые слова: синонимический ряд, спецификация, логическая градация, понятийная игра.
Keywords: synonyms series, specification, logical gradation, conceptual game.

Аннотация. Работа посвящена исследованию функциональной значимости повторяющихся понятий, образующих синонимические ряды в романе писателя. Автор статьи анализирует II и III главы романа. В результате наблюдений выявлена трехчленная логическая градация в синонимическом ряде «обыкновенный» - «замечательный» - «особенный». Выявлена самостоятельная значимость понятий «прежде» - «теперь», «теперь» - «тогда», «очень плохо» - «очень хорошо». Сделан вывод об авторской «понятийной игре». Обозначена роль и назначение этих рядов в структуре повествования романа «Что делать?». Акцентирована их оценочная функция. Автором статьи обнаружены смысловые и стилистические нюансы в употреблении синонимических рядов.

Abstract. The work is devoted to the study of the functional significance of recurring concepts forming synonymous rows in the novel writer. The author analyzes II and III chapters of the novel. As a result of observations revealed tripartite logical graduation in synonymous number of "ordinary" - "wonderful" - "special". Revealed the importance of self-concepts of "first" - "now", "now" - "if", "very bad" - "very good". It is concluded that the author's "conceptual game." That defines the role and purpose of these series in the narrative structure of the novel "What to do?". Accentuated their evaluation function. The correspondent found the semantic and stylistic nuances in the use of synonymous series.

В романе «Что делать?» Н.Г. Чернышевского прослеживается авторская игра с некоторыми понятиями. Эту «игру» необходимо проследить во всей ее полноте и в той последовательности, в какой она осуществляется в романе. На протяжении I главы, после заданной в самом ее начале логической градации, мелькает несколько раз только слово «обыкновенный» – на двух первых страницах и в совершенно нейтральном контексте. Но вот оно вновь возникает в романе – в начале II главы.

I глава закончилась для героини романа преддверием катастрофы, и теперь рассказчик анализирует эту ситуацию: «Известно, как в прежние времена оканчивались подобные положения: отличная девушка в гадком семействе; насильно навязываемый жених, пошлый человек, который ей не нравится... Девушка начинала тем, что не пойдет за него; но постепенно привыкала иметь его под своею командою и, убеждаясь, что из двух зол – такого мужа и такого семейства, как ее родное, – муж зло меньшее, осчастливливала своего поклонника; сначала было ей гадко, когда она узнавала, что такое значит осчастливливать без любви; но муж был послушен; стерпится – слюбится, и она обращалась в *обыкновенную* хорошую даму, то есть женщину, которая сама-то по себе и хороша, но примирилась с пошлостью и, живя на земле, только коптит небо. Так бывало прежде с отличными девушками, так бывало прежде и с отличными юношами, которые все обращались в хороших людей, живущих на земле тоже только затем, чтобы коптить небо. – Так бывало прежде, потому что порядочных людей было слишком мало: такие, видно, были урожаи на них в прежние времена, порос „колос от колоса, не слышать и голоса". А век не проживешь ни одинокою, ни одиноким, не запахнувши, – вот они и чахли или примирились с пошлостью.

Но теперь чаще и чаще стали другие случаи: порядочные люди стали встречаться между собою. Да и как же не случаться этому все чаще и чаще, когда число порядочных людей растет с каждым новым годом? А со временем это будет *самым обыкновенным* случаем, а еще со временем и не будет бывать других случаев, потому что все люди будут порядочные люди. Тогда будет очень хорошо. Верочке и теперь хорошо» и т. д. [15:46–47].

Антитеза, идущая красной нитью через все это рассуждение, вводит в сферу повествования главный мотив романа. В этом отношении чрезвычайно характерным является уже самое общее противопоставление, которым организуется все рассуждение: противопоставление «прежние времена» – «теперь». Если развязки житейских положений в «прежние времена» хорошо известны читателю, то весь его интерес, естественно, должен обратиться к тому новому, что меняет, характер этих развязок «теперь». Рассказчик заставляет ожидать появления «новых людей» и, следова-

тельно, вспомнить саму формулу из подзаголовка романа – «новые люди». Но этого мало. Здесь вводится определение «новых людей как «порядочных людей». Выясняется, что «порядочные люди были и в «прежние времена», что особенность теперешней ситуации не в том, что «новые» порядочные люди отличаются от порядочных людей «прежних времен», а в том, что «теперь чаще и чаще... порядочные люди стали встречаться между собой.

Далее. Противопоставление «прежде» – «теперь», несмотря на всю свою самостоятельную значимость, не замкнуто в себе, а разомкнуто в сторону будущего. Время не только меняет общественную ситуацию, но и убыстряет общественное развитие «Теперь» не просто противоположно «прежде» – в нем это «прежде» отрицается, но еще не отменяется. «Прежде» и «теперь сосуществуют: отрицание старого порядка вещей начато, и принципиально ново, но задача состоит в том, чтобы этот порядок был вытеснен без остатка, а это может случиться лишь временем», когда «все люди будут порядочные люди. Тогда будет очень хорошо», – завершает рассказчик свою мысль. Развитие идет не только от «прежде» – через «теперь» к «тогда», но и от «очень плохо» – к «очень хорошо». Исследование ситуации, существующей независимо от нашего желания и наше желание, совпадающее с объективной тенденцией развития и тем самым убыстряющее его, накладываются друг на друга, совпадают друг с другом и в лице рассказчика выступают перед читателем как определенная общественная позиция.

Слово «обыкновенный» встречается в этом контексте дважды. Первый раз оно несет в себе примету «прежних времен», когда «женщина, которая сама-то по себе и хороша, но примирилась с пошлостью», была «обыкновенной хорошей дамой. Второй раз слово «обыкновенный», хотя и употреблено одиноко, восстанавливает всю логическую конструкцию трехчленной формулы: «прежде» – случаи встречи между собою «порядочных людей» были «особенными», необыкновенными, маловероятными; «теперь» – они уже закономерны, но все еще «замечательны», редки, неповсеместны; «со временем» – они станут «обыкновенными», нормальными, незамечательными. Формула оказывается повторенной и, следовательно, заново предпосылает повествованию, но в новом качестве: впервые она «играет» – в ней обнаруживается способность оцениваемые в ее рамках факты действительности ориентировать в координатах исторического времени.

Именно с этого момента в тексте романа окончательно устанавливается роль трехчленной понятийной конструкции «обыкновенное»-«замечательное»-«особенное» во всех ее функциях и как критерия, определяющего отбор повествовательного материала на протяжении всего романа; и как некоей логической «сетки», определяющей границы и формы оценочных суждений рассказчика в ходе повествования; и как художественного принципа, определяющего тот неповторимый ракурс, в котором представляются читателю все изображаемые в романе лица, события, факты, а также проблемы и их решения.

После вступительного рассуждения рассказчика в начале главы слово «обыкновенный» возникает при описании впечатления, сложившегося у Лопухова относительно Верочки на вечере в день ее рождения: «Лопухов наблюдал Верочку и окончательно убедился в ошибочности своего прежнего понятия о ней как о бездушной девушке, холодно выходящей по расчету за человека, которого презирает: он видел перед собою *обыкновенную* молоденькую девушку, которая от души танцует, хохочет; да, к стыду Верочки, надобно сказать, что она была *обыкновенная* девушка, любившая танцевать» [15:55].

Верочка называется здесь «обыкновенной девушкой» дважды, и это не простой повтор слова – это повтор оценки: так характеризует ее сначала Лопухов в своем размышлении, и затем его определение подхватывает и подтверждает уже от себя рассказчик. «Обыкновенность» героини объясняется – указан противоположный случай: «необыкновенной» была бы «бездушная девушка, холодно выходящая по расчету за человека, которого презирает». Таким образом, «обыкновенность» Верочки оказывается первой и, следовательно, важнейшей ее характеристикой. Да и само слово, использованное для этой характеристики, становится в романе весомее, ибо вторично употребляется рассказчиком как оценочное по отношению к центральной героине романа, причем если в первый раз лишь для характеристики ее воспитания, то теперь – для характеристики ее личности.

В следующем разделе главы читатель встречает уже целый словесный каскад, варьирующийся вокруг этого слова. Подспудно здесь возникает еще раз та же оценка героини и тоже удвоенная благодаря повтору: «„Как это *странно*, – думает Верочка: – ведь я сама все это передумала, почувствовала, что он (Лопухов) говорит и о бедных, и о женщинах, и о том, как надобно любить, – откуда я это взяла? Или это было в книгах, которые я читала? Нет, там не то: там все это или с сомнением, или с такими оговорками, и все это как будто что-то *необыкновенное, невероятное*. Как будто мечты, которые хороши, да только не сбудутся! А мне казалось, что это *просто, проще всего*, что это *самое обыкновенное, без чего нельзя быть, что это верно все так будет, что это вернее всего!*.. Да разве они этого не говорят? Нет, им только жалко, а они думают, что в самом деле так и останется, как теперь, – немного получше будет, а все так же. А того они не говорят, что я думала. Если бы они *это* говорили, я бы знала, что умные и добрые люди так думают; а то ведь

мне все казалось, что это только я так думаю, *потому что я глупенькая девочка*, что кроме меня, глупенькой, никто так не думает, никто этого в самом деле ждет..."

Нет, Верочка, это *не странно*, что передумала и приняла к сердцу все это ты, *простенькая девочка*, не слышавшая мысли-то тех людей, которые стали этому учить... твои книги писаны людьми, которые учились этим мыслям, когда они бы еще мыслями; эти мысли казались *удивительны, восхитительны* – и только. Теперь, Верочка, *эти мысли в уме ясно видь в жизни*, и написаны другие книги, другими людьми, которые находят, что *эти мысли хороши, но удивительного нет в них ничего...*» [15:59–60].

«Странное» / «необыкновенное» / «невероятное» / «восхитительное» / «удивительное» – таков один синонимический ряд, варьирующийся вокруг понятия «особенное». «Не странное/простое» / «проще всего» / «самое обыкновенное» – таков второй синонимический ряд, варьирующийся вокруг понятия «обыкновенное». Оба ряда разветвлены, насыщены смысловыми и стилистическими нюансами. Два крайних понятия логической градации благодаря взаимному проникновению этих синонимических рядов отчетливо присутствуют в тексте, и присутствуют в тактической, ненавязчивой, не академически сухой словесной оболочке. Тем самым создается лексическое поле, в котором просто понятийная конструкция обогащается добавочными смысловыми оттенками. Не случайно, что этот факт совпадает с моментом возникновения в романе темы «мыслей» – темы поисков правильного мировоззрения, темы тождества передовой общественной науки и жизненного мироощущения «простого» человека. Любимая идея рассказчика совмещается в своем проявлении с одним из узловых этапов в развитии его оценочной конструкции.

В то же время здесь происходит дальнейшее уточнение характеристики героини романа. Читатель теперь узнает; сама она думает о себе точно так же, как перед этим думал ней Лопухов. Она называет себя «глупенькой девочкой», вновь эту ее оценку повторяет за нею рассказчик, слегка поправляя, но не изменяя ее существа, – он называет ее «простенькой девочкой». «Глупенькая» – это случайное и психологически очень понятное определение, но слово «простенькая» в качестве синонима для слова «обыкновенная» – не случайно. В нем характеристика героини как «обыкновенной девушки». Верочка «проста» и «глупа» не тупой «простотой» обывателя и не сытой «глупостью» тунеядца, а светлой «простотой» ясного сознания и святой «глупостью» доброго сердца и чистой совести. Игра синонимических рядов и создает необходимую для этого существенного уточнения характеристики героини словесно-понятийную атмосферу. «Станным», «необыкновенным», «неваяным», «удивительным», с одной стороны, и «не странным», «простым», «проще всего», «самым обыкновенным», не имеющие в себе «ничего удивительного», с другой стороны, выступает здесь одно и то же явление действительности: так противоположно воспринимается и оценивается оно людьми разных поколений, разных общественных идеалов, разных по своему общественному содержанию мировоззрений. «Обыкновенность» и «простота» героини как элементы ее характеристики только в данном контексте наполняются своим конкретным содержанием, которое без него не могло бы быть выведено ни из лексического значения этих слов, ни из логического объема соответствующих этим словам понятий.

Итак, мы видим, что во II главе романа происходит интенсивное смысловое расширение и в то же время художественная конкретизация объема понятия «обыкновенный» – первого члена оценочной авторской формулы.

В III главе столь же интенсивно и еще более радикально конкретизируется – применительно к художественному контексту романа – объем противоположного члена оценочной формулы – понятия «особенное».

Описание истории устройства Верой Павловной швейной мастерской, чему посвящен весь IV раздел III главы, содержит в себе этот многократно повторяющийся последний член оценочной авторской формулы: «Мастерская Веры Павловны устроилась. Основания были просты, вначале даже так просты, что нечего о них и говорить. Вера Павловна не сказала своим трем швеям ровно ничего кроме того, что даст им плату, но немного побольше той, какую швеи получают в магазинах; *дело не представляло ничего особенного...* Эти три девушки нашли еще трех или четырех, выбрали их с тою осмотрительностью, о которой просила Вера Павловна в этих условиях. Вере *тоже не было ничего возбуждающего подозрение, то есть ничего особенного*: молодая и скромная женщина желает, чтобы в мастерской были девушки прямодушного, доброго характера, рассудительные, уживчивые, *что же тут особенного?* Вера Павловна сама познакомилась с этими выбранными, хорошо познакомилась, прежде чем сказала, что принимает их, это актуально; это тоже рекомендует ее как женщину основательную, и только. *Думать тут не над чем, не доверять нечему...* Вера Павловна постоянно была в мастерской, и уже они успели узнать ее очень близко как женщину расчетливую, осмотрительную, рассудительную, при всей ее доброте, так что она заслужила полное доверие. *Особенного тут ничего не было и не предвиделось...*» [15:130].

Многократное приглашение рассказчика согласиться с тем что в «простых основаниях» мастерской не было «ничего особенного», вызывает у читателя недоумение и заставляет размышлять, причем в нужном автору направлении. Кто станет в «простых основаниях» мастерской ис-

коть что-либо «подозрительное»? Вероятно, это девушки-швеи не могли увидеть в предприятии Веры Павловны «ничего особенного», а на самом деле это не так? И почему «ничего особенного» значит «ничего возбуждающего подозрение»? Читателю в действительности предлагается ожидать и «особенное», и даже «подозрительное».

Описание мастерской еще не началось, но мысль о политическом смысле предприятия Веры Павловны и, следовательно, намек на политический подтекст всего этого мотива уже введены в текст романа. Так начинает готовиться почва для игры специфическим значением слова «особенный» в дальнейшем – при характеристике Рахметова.

Дальше в том же разделе, после того как Вера Павловна приступила к осуществлению своего плана и попыталась объяснить девушкам свое желание не присваивать прибыль себе, а делить ее между самими работницами, говорится: «Долгие разговоры были возбуждены этими *необыкновенными словами*. Но доверие было уже приобретено Верой Павловною; да и говорила она просто, не заходя далеко вперед, *не рисуя никаких особенно заманчивых перспектив*, которые после минутного восторга рождают недоверие. Потому девушки не сочли ее помешанною, а только и было нужно, чтобы не сочли помешанною. Дело пошло понемногу» [15:133].

Теперь, когда, наконец, в описание введено то «особенное», на котором так резко рассказчик акцентировал внимание читателя еще в начале описания, звучит слово «необыкновенный» – ближайший синоним слова «особенный», да и само это слово также присутствует здесь. Тем самым подтверждено еще раз понятное противостояние «особенный» – «обыкновенный» с акцентом на слове «особенный», которое в контексте всего описания специфицировано другим, ранее употребленным и гораздо более острым по смыслу синонимом – «подозрительный».

В продолжение этого описания истории мастерской оба слова, являющиеся крайними членами оценочной авторской формулы, употребляются еще несколько раз, хотя и в нейтральных лексических значениях, но сама густота их употребления выразительна и в стилистическом отношении не нейтральна. Здесь же, впервые после начала II главы, возникает понятийная градация в своем полном виде и затем, на протяжении ближайших трех разделов, повторяется еще дважды. Поскольку сразу вслед за этим – в УЩ и IX разделах III главы – рассказчик дает характеристику самому типу центральных героев своего повествования, то, вероятно, перед тем как приступить к такой характеристике, он посчитал необходимым еще и еще раз закрепить в сознании читателя логическую конструкцию своей понятийно-оценочной формулы.

Характеристика «новых людей» как типа оценочно организована рассказчиком вокруг понятия «особенный»: «Все резко, выдающиеся черты их – черты не индивидуумов, а типа, типа до того разнящегося от привычных тебе, пронизательный читатель, что его *общими особенностями* закрываются личные разности в нем» [15:148]. Вот как говорится о будущем «новых людей»: «...тогда уж не будет этого *отдельного типа*, потому что все люди будут этого типа, и с трудом будут понимать, как же это было время, когда он считался *особенным, типом, а не общею натурою всех людей?*» [15:149]. Наконец, в IX разделе, где продолжается характеристика, сказано: «Но все это они представляют себе как-то по-своему: и нравственность и комфорт, и чувственность и добро понимают они *на особый лад*, и все на один лад, и не только все на один лад, но и все это как-то на один лад, так что...» и т.д. [15:150].

Мы видим, что слово «особенный» действительно выступает как ударное, ключевое для характеристики целого типа, всей совокупности «новых» героев романа, и таким образом оно покрывает собою, а следовательно, и вбирает в себя все конкретные смысловые параметры типа, разъясненные в ходе характеристики, придавая этим параметрам, в свою очередь, собственную свою окраску. Так получается, что порядочность «новых людей», их принципиальность, их последовательность в поступках – это не вообще порядочность, принципиальность, последовательность, но то, и другое, и третье – «особого» рода. А между тем вся «особенность» этих качеств заключается в том, что они не разрознены, а сцементированы воедино и неразрывны друг с другом. Новый тип характеризуется суммой этих качеств единственно потому, что они составляют новую сумму – не механическую, а органическую. Так входит в роман еще один специфический оттенок, существенно влияющий на формирование конкретного значения слова «особенный» в тексте романа. Этот оттенок – мысль о новом нравственном качестве изображаемых романистом героев.

Спецификация и расширение лексического значения одного из слов – членов оценочной авторской формулы ведет к необходимости аналогичного изменения лексического значения и противоположного члена формулы – слова «обыкновенный».

В XI разделе III главы рассказывается о страсти Кирсанова к Вере Павловне и его первой попытке ее подавить. «Разговор шел, как *обыкновенно*, – повествует рассказчик, – без всяких церемоний; Кирсанов болтал больше всех, но вдруг замолчал... Через несколько времени, *раньше обыкновенного*, он встал и ушел, простившись, как всегда, просто» [15:151 – 152]. «Прошло еще два дня; не зайти к Лопуховым четыре дня сряду было делом *необыкновенным* для Кирсанова» [15:152]. И вдруг эта «необыкновенность» его поведения становится разительной; текст начинает пестреть неожиданным; «стал дураком и пошляком»; «выходило как-то дрянно»; «начал нести...

пошлую чепуху»; «уж несколько дней до своего явного опошления он был странен»; «из-под маски порядочного человека высовывалось несколько дней такое длинное ослиное ухо» [15:153] и т.д.

До сих пор противоположность понятий «обыкновенный» – «особенный» была однозначной. И вот теперь, когда второе слово этой группы приобрело для читателя новый смысл, возникший в художественном контексте романа, происходит аналогичное уточнение смысла первого слова. Читатель видит здесь, что значит в романе «необыкновенное», когда оно не то же самое, что «особенное»: это – «пошлостное» в окружающей «новых людей» реальной действительности. Именно теперь мир «новых людей» в романе окончательно отделяется и противопоставляется «допотопному» миру «пошлых» людей*. Лексическое значение слова «обыкновенный», так же как это произошло несколько раньше со словом «особенный», расширяется, и конкретное значение этого слова в тексте романа отныне включает в себя также моральную и социальную характеристику круга его «новых» героев. Это означает, что понятийная оценочная градация, продолжая сохранять свою логическую форму, существенно изменила свое содержание: являвшаяся вначале простым соотношением понятий, она стала теперь художественно-образным соотношением оценочных рядов, содержание которых определяется уже не столько общеязыковой нормой, сколько контекстом самого романа.

Читателю начинает открываться авторский «урок», и для стиля романа весьма характерно, что он открывается лишь в том объеме, в каком он читателем в данный момент уже усвоен. Действительно, реальные человеческие отношения, известные читателю помимо романа – из собственного жизненного опыта, и воспринимаются и, следовательно, оцениваются им как «обыкновенные». С этой точки зрения такие герои романа, как Вера Павловна, Лопухов и Кирсанов, являются безусловно людьми «необыкновенными», «особенными». И сам рассказчик как будто так же понимает их: ведь говорит же он, что это люди «на особый лад». Однако по своей собственной мерке – все они люди «обыкновенные». То, что с точки зрения «допотопных людей» является «особенным», настойчиво пропагандируется рассказчиком как заурядное, незамечательное, «обыкновенное». Но тем самым пропагандируется принципиально другая, точка зрения – точка зрения «порядочных людей». С другой стороны, естественно, что раз изображаемые лица и их поступки – подчеркнута оцениваются как «обыкновенные», внутри этого круга фактов и с точки зрения самих «порядочных людей» должны существовать явления «особенные». Что это за явления и в чем будет заключаться их «особенность» по сравнению с этого рода «обыкновенностью», читателю пока не видно, не известно. Но почва подготовлена, оценочное «силовое поле» создано: «новые люди» – «обыкновенные» ли, или «особенные» – все отграничены не только нравственно и социально, но – с величайшей осторожностью и как бы мимоходом – также и политически в современной романисту социальной среде.

Литература

1. Алексеев Н.А. Комментарии к журнальной редакции «Что делать?» //Чернышевский Н.Г. Что делать?. – М., 1957. – С. 358–367.
2. Бахтин М.М. Эпос и роман // Вопросы литературы, 1970.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
4. Бландова Н. Г. Композиционно-стилистические и языковые особенности «снов Веры Павловны» //Русский язык в школе. – 1974. – № 6.
5. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
6. Водовозов Н.В. Вступительная статья к роману «Что делать?» и комментарии к роману // Чернышевский Н.Г. – М., 1980.
7. Верховский Г.О. О романе «Что делать?» - Ярославль, 1959.
8. История русской литературы – М, Л, 1956 – т8.
9. Каплан И. Е. Опыт анализа языка главы «Особенный человек» (роман «Что делать?»)//Вопросы преподавания русской литературы в национальной школе. – М., 1972. – С. 168–186.
10. Курдюмова Т. Ф. Изучение художественных особенностей романа Н. Г. Чернышевского в курсе девятого класса средней школы //Учен. зап. МГПИИм. В. И. Ленина, – 1961, – № 175. – С. 57–78.
11. Лебедев А.А. Герои Чернышевского – М., 1962.
12. Лебедев А. А. Разумные эгоисты Чернышевского. – М., 1973.
13. Липеровская С.И. Идеино-художественное значение снов Веры Павловны в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?»//Изучение художественного текста в школе. – М., 1956. – С. 87–100.
14. Рейсер С.А. Примечания к тексту романа «Что делать?» Н.Г. Чернышевского – Л., 1975.
15. Чернышевский Н.Г. «Что делать?» - // Полн. собр. соч. в 10-и т. – т.9 – С-Петербург – 1906 – с.1 - 317

* Тот же лексический круг еще раз возникнет в тексте, когда Лопухов, наконец, догадается о страсти Кирсанова к Вере Павловне и станет пересматривать детали его прошлого поведения: «...В тогдашних глупых выходках Кирсанова не было ничего такого, что не было бы известно Лопухову за *очень обыкновенную* принадлежность нынешних нравов; не редкость было и то, что человек, имеющий порядочные убеждения, поддается пошлости, происходящей от нынешних нравов» (гл. III, разд. XXI, с. 183).